

2011/2 (4)

Содержание

Теоретическая культурология

Межуев В.М.

Размышления о культуре и культурологии: культурология в контексте современного гуманитарного знания (Статья 3)

Глостанова М.В.

Карибская транскультурная философия в контексте диалога культур

Историческая культурология

Шулепова Э.А.

Культурная среда исторического города: методология изучения и трансляция

Флиер А.Я.

Историческая культурология как область знания

Вишленкова Е.А.

Темпоральность и восприятие времени в российском университете XIX века (Часть 2)

Прикладная культурология

Астафьева О.Н.

Культурная политика: теоретическое понятие и управленческая деятельность (Лекции 6–8)

Соколов А.В.

Три лика информационного общества

УДК 008.001.14

Вишленкова Е.А.

Темпоральность и восприятие времени в российском университете XIX века

(Часть 2)

Аннотация. Рассмотрено участие культурной и социальной категории времени в структурировании университетской жизни России XIX в., в контроле над корпоративными отношениями и в строительстве университетских иерархий. На основе текстов личного происхождения и делопроизводственной документации выявлены темпоральные особенности университетского сознания, отразившиеся на поддержании и изобретении традиций.

Ключевые слова: российский университет, социальное время, корпоративная культура, Российская империя, темпоральность, антропология символики

Восприятие времени

Занимаясь наукой, университетские профессора ощущали себя исторической ценностью и репрезентировали это через выход за пределы исторического времени («его деяния останутся в веках», «благодарные потомки оценят», «современники не поняли значимость его открытия»). При таком самопонимании момент обретения ученой степени образовывал «разрыв» в персональной биографии. Не случайно мемуаристы и прославляющие ушедшего профессора коллеги осмыслили его пребывание на земле, разделенным на два периода: на «подготовительный этап» и «научную жизнь». Период «до» защиты диссертации описывался как мало значимый для истории, а вот протяженность «после» обретения степени включала в себя посмертное бытование имени и нетленность идей ученого. Вероятно, ощущение разрыва поддерживалось еще и реальными изменениями в характере занятий и частной жизни университетского человека, обретшего профессорский статус.

В контраст прославительным текстам, обращенным «во внешний мир», на закрытых корпоративных заседаниях профессора говорили о тленном: недолговечность академической поддержки оказывалась признаком «лженаучности» или некачественности научной продукции

Гуманитарные исследования

Аванесова Г.А.

Исследование феноменов народа и народной культуры в гуманитарной мысли Запада и России (Часть 1)

Ильшев П.В.

Особенности изобразительного моделирования кинематографического пространства в фильмах Акиры Куросавы

Штейнер Е.С.

«Гений дзюдо» – Куросава начинается

Малая культурологическая энциклопедия

Власенко В.В.

Философско-педагогические идеи М.С. Кагана

Шестаков В.П.

Изобразительное искусство

Юбилейные даты

К 80-летию Елены Ефимовны Кузьминой

Плоских В.М.

В поисках древних путей ариев

Поляков Т.П.

Белый пароход

К 65-летию Кирилла Эмильевича Разлогова

Хренов Н.А.

Кирилл Разлогов – человек глобальной культуры

Рецензии

Кузнецова Т.Ф.

Культурологический поиск: от фундаментального к прикладному: рецензия на книгу: «Культурология: фундаментальные основания прикладных исследований» (М.: Смысл, 2010. 640 с.)

(«пустоцвет не продержался и одного года»). Даже сама краткость научной жизни служила аргументом в борьбе с инакомыслящими и иноверцами. Именно поэтому ранний уход из научного сообщества (в качестве протеста или преждевременной смерти) интерпретировался как слабость или несчастье ученого. Считалось, что «подлинный» талант всегда пробьется, а если ученый не реализовался, то у него и не было на то дарований. В этой связи переход (даже конфликтный) профессора в другой университет и последующая успешная карьера рассматривались его конкурентами как умысел, образующий континуитет научной биографии (даже если ученый считал это трагическим разрывом в собственной судьбе).

Билл. Гравюра из журнала «Всемирная иллюстрация»

Университетские люди осмыслили корпоративный опыт, формулируя ежедневное взаимодействие в терминах «большой длительности». Тема «раньше и сейчас» – сквозная для созданной ее представителями мемуаристики. «Нынешние студенты заведомо хуже их предшественников, а старое поколение профессоров, конечно же, лучше современных молодых преподавателей» – один из тропов университетского сознания, зафиксированный в протоколах факультетских заседаний. При этом автобиографические рассказы педагогов полны анекдотами о собственных студенческих шалостях, срывах занятий, сопротивлении власти преподавателей. Очевидно, такие универсальные и вневременные тропы поддерживали ощущение протяженности и непрерывности университетской культуры, ее повторяемости и неизменности.

Цикличность университетской жизни усиливала данную иллюзию. В принципе, у студентов была даже возможность вернуться в иллюзорное прошлое: проучиться тем же предметам второй год подряд или вернуться на учебу в университет после исключения. В свою очередь, профессор при долговременном пребывании в стенах одного учреждения оказывался лишен эффекта «совместного старения» в корпорации. Молодые коллеги и меняющиеся поколения студентов создавали у него чувство детемпорализации: вечного существования университета и себя в нем. В этом отношении возможность ученых из прошлых времен и потомков из будущего участвовать в настоящем органично вписывалась в сознание университетского человека. Он осмыслил корпоративную жизнь в терминах «истоков» и «исхода», воздавал должное научным предшественникам, обращался не только к современным слушателям и читателям, но и к будущим интеллектуалам. Постоянно звучащие в стенах университетов слова «прошлые поколения», «современники», «потомки», «преемники», «ученики» создавали эффект непрерывности и образовывали вневременную перспективу. Такая интерпретационная модель погружала реальное социальное время в процесс, где люди активно создавали интерсубъектность и вызвали чувство совместной жизни времен в «живом настоящем».

Таким образом, детемпорализированная цикличность учебной жизни, соединившаяся с идеей поступательного научного прогресса, растянула линейное время «чиновника на ниве просвещения» и вывела его за пределы человеческой жизни. Это отразилось на складывании особой университетской космологии и возникновении имперсонального времени. Их следы исследователь может обнаружить не только в риторических формулах, но и в ненаративных практиках профессорской жизни (например, в пространных выступлениях («словесных постановках») на заседаниях ученого совета, в трепетном отношении к личному и корпоративному архивам, в стремлении вести дневники или писать воспоминания о себе как об ученом и просветителе).

Время в языке самоописания

Прочтение «парадигмальных» текстов, рожденных в университетской среде, позволяет заметить наличие характерного для данного сообщества языка самоописания. Категории времени и пространства образуют в нем устойчивую дихотомию.

Время очеловечивалось, что находило отражение в речевых тропах: «время пришло», «время требует», «время смягчает», «настал момент», «время неумолимо сокращает», «время застыло», «наступило время экзаменов», «время помогает избавиться». Если университетскому человеку что-то не удавалось сделать, то он никогда не писал о невозможности или собственной неспособности реализовать это. Виноватым всегда оказывалось время, вернее, его «краткость» или «нехватка». В этой связи для описания университетской активности чаще всего использовались глаголы, имеющие темпоральную константу («не успел», «опоздал», «отстал», «опередил», «созрел», «достиг», «совершил», «создал», «не завершил», «был» и «стал» и др.). Ими изобилуют некрологи и прочие тексты, написанные по случаю юбилея, защиты, избрания и т.д. Их прочтение в протяженности столетия позволяет отметить нарастание в них темпоральности.

Категории времени участвовали в маркировании явлений и в экспертных заключениях («современное положение дел», «устаревшее мнение», «временный (не качественный) преподаватель», «новейшие исследования», «последние (наиболее верные) данные»). При этом в университете использовались не только тропы из обыденной речи или бюрократические штампы, но и литературные или научные метафоры. Например, косность и архаичность мышления профессорского совета казанский попечитель определял как «старообрядчество университетское» [44], а харьковский профессор страшился быть «анахронизмом по собственному предмету» [45].

С точки зрения бюрократической власти, в университете все делалось ужасно медленно. В министерство часто поступали сообщения чиновников, возмущенных тем, что все здесь намеренно затягивается и вязнет (дело, которое можно было решить за полтора часа, в профессорском совете заняло «по причине споров и отговорок двоих

только членов целых пять часов (с 12 до 5-ти часов по полудни)» [46]). Сами же университетские люди постоянно испытывали стресс от вырывающегося из-под контроля ритма жизни и хронического недостатка времени.

Имея под собой универсальные основания, тем не менее, раздражительный тон бюрократической переписки нередко было следствием разницы социальных ценностей чиновников и интеллектуалов. То, на что щедро расходовал свое время вечно занятый профессор (длительные обсуждения, убеждения, многократные выступления, выслушивание чужого мнения, голосование и прочее), военным и чиновным людям казалось непроизводительным времяпрепровождением. В лучшем случае, современники завидовали «мирной и тихой жизни профессора» [47], в худшем – возмущались пустой тратой в университете казенных денег. «Странное дело, – возмущался попечитель, – как у вас вяло исполняются самые решительные предписания» [48].

В свою очередь, безоговорочное и безотлагательное выполнение министерских инструкций воспринималось в университетской среде как признак безответственности и поспешности. Даже сановникам они советовали не торопиться с решениями, «чтобы после не переделывать». Предлагая власти свои интеллектуальные услуги, университетский человек, подобно М.Ломоносову, добавлял: «Ежели дней полдесятка обождать можно, то я целый полный план предложить могу» [49]. Подразумевалось, что качество выходящей из-под пера профессора продукции с лихвой восполнит ожидание, компенсирует потерю времени.

За столетие социальное время профессорской корпорации получило множество речевых форм, которые передавали их качественные характеристики: период вступительных экзаменов – «смутное время»; выпускные экзамены – «горячая пора»; «блаженное время, когда с дипломом в руках мы строили воздушные замки о предстоящей нам жизни и службе»; ощущаемое отсутствие позитивных событий – «безвременье». В речевом поведении и в стратегии письма университетские люди использовали приватизированное или групповое время («в мое время», «в наше время», «в его времена», «в бытность мою в Московском университете») чаще, нежели обезличенную форму времени («в то время», «в описываемую эпоху»). В университете с его культом просвещенной и свободной личности, качественные характеристики времени зависели от личного опыта его проживания.

Время как корпоративный субъект

В качестве культурной универсалии время принимало участие в реструктурировании университетской корпорации. В силу специфики ее организации и функционирования «чиновное» отношение ко времени здесь корректировалось процедурами избрания и научными успехами.

Все должности («места») в университетской иерархии по определению

являлись временными. Их занимали либо до перехода на новую ступень (магистр, адъюнкт), либо до переизбрания по истечении установленного срока полномочий (экстраординарный и ординарный профессор). В первой половине XIX в. сократить срок между должностями можно было лишь экстренными мерами: либо «безвозмездной» службой (отдавая жалованье в пользу университета, как делал П.А.Дубовицкий в Казани), либо получив ученую степень в зарубежном университете или в Профессорском институте в Дерпте.

Г.Бронниг. Санкт-Петербург: гуляние в Екатерингофе 1 мая

Но если должности в университете, как в любом присутственном месте, обретались за выслугу лет и беспорочную службу, то ученое звание присваивалось за личные заслуги. Оно имело к темпоральным категориям более опосредованное отношение. С одной стороны, на личном и коллективном опыте базировалось представление о том, сколько времени нужно для выполнения качественного научного исследования по специальности. Исходя из него, можно было говорить о «потере» или «обретении времени». Сокращение или растягивание усредненного параметра не приветствовалось коллегами («замедление дела» или «ускорение дела»). Скоропостижность рождала подозрения в излишнем тщеславии и недобросовестности, а затягивание – в лени, несостоятельности или профессиональной неуверенности.

Все же официально закрепить темпоральную дистанцию между моментами обретения научных званий разного уровня университетскому сообществу не удавалось, что приводило к коррозии традиционных возрастных или поколенческих отношений в ученом сословии. Корпоративный статус преподавателя определялся не столько его возрастом (биологическим временем), сколько сроком, прошедшим с момента публичной защиты диссертации. Человек, ставший профессором в молодом возрасте, воспринимался как старший по сравнению с преподавателем, получившим степень в зрелом возрасте. Великовозрастный диссертант мог всю жизнь обращаться со своим молодым научным руководителем или оппонентом как со старшим коллегой.

Официальное обращение «молодой человек», так же как и определение «новейший ученый», имели в университете негативно-иронический оттенок. Как правило, они служили указателями не столько возраста, сколько низкого уровня профессионализма, поэтому применялись равно как к студентам, так и к заподозренным в незнании, неспособности или халтуре сверстникам.

В ответ на подобную речевую дискриминацию применительно к ученым, надолго утвердившимся в корпоративной среде, неформально использовались термины «мыслители старого типа» [50] и «университетские старцы». У них тоже был двойной адресат: властный профессор и просто старый по возрасту преподаватель. Далеко не всегда эти качества совпадали в одном лице. «В мои студенческие годы

Котельников был уже очень стар, – вспоминал студент середины 1860-х годов о добром лекторе... – Бывало мы почтительно давали ему дорогу в университетском коридоре: старец шел уже по стенке, с неизменным красным платком и табакеркой в руке, извиняясь без всякого повода» [51]. Но были среди «старцев» и менее безобидные и даже более молодые экземпляры. Рассказы о кознях или немощи «старцев» буквально рассыпаны на страницах студенческих мемуаров.

При открытии Московского университета сановники, набиравшие в него иностранных профессоров, предпочитали обращаться с предложением к молодым людям. «Молодой человек, – объяснял Г.Ф.Миллер позицию правительства, – скорее приспособится к обычаям страны и еще имеет надежду выучить язык, что даст ему большие преимущества» [52]. Но в XIX в. для преподавательской корпорации стал важен не биологический возраст ее членов, а их психологическое ощущение возраста и соответствующее этому поведение. Идеалом являлись «вечно юные старцы». Таковым мог быть и выслуживший пенсию профессор («он до старости сохранил весь свой юношеский жар» [53], «был довольно стар, седой, но с живостью, свойственной молодости, следил за ответами студентов» [54]), и вступающий на это поприще молодой человек («г. профессор Браун еще весьма молод и нет, кажется, еще 25-ти лет... Дай Бог, чтоб душой и сложением был стар!» [55]). Утверждения такого рода служили показателем особого дара вневременной молодости и аргументом в пользу особы университетского человека. Ссылки на «внутреннюю молодость» служили обоснованием права «долгожителей» оставаться в должности, на их власть и особые привилегии. От молодого же профессора ждали старческой мудрости и соответствующих поведенческих моделей: благодарности, осторожности, терпимости («надо уметь терпеть и ждать»). Считалось, что это и есть та самая персональная «скромность», которая помогает сохранять корпоративное единство.

По всей видимости, на восприятие времени и себя во времени влияла гендерная идентификация университетской корпорации. Мужское сообщество мыслило себя во вневременных категориях. Педагогическую и научную деятельность могли прервать лишь болезнь или смерть. Других темпоральных ограничений у университетского мужа не было. Другое дело, что у одних это рождало ощущение краткости собственного века и подстегивало, а у других вызывало иллюзорное чувство бесконечности возможностей и расслабляло. Впрочем, многое в персональных поведенческих моделях зависело от состояния корпоративных отношений в режиме «здесь и сейчас».

Университет во времени и пространстве

Другой аспект темы – складывающаяся мифология университета и роль в ней категорий времени и пространства. Время в университете сегментировано повторяющимися событиями, зафиксированными в календаре и годичном расписании. При этом главным его наполнением были «словесные постановки». Самой формой обращения к собеседникам «лицом к лицу» они форматировали

разделяемые эффекты и через это – сознание и эмоции слушателей. Проговариванием корпоративного опыта спектакли, публичные защиты, выступления на заседаниях совета, лекции усиливали ключевые символы, что систематически утверждало связь между широким спектром разнообразных культурных элементов [56], т.е. являлось единым, разворачивающимся во времени и в пространстве рассказом-убеждением. В нем российский университет предстал как недавно привитый в России отросток, взятый от многовекового древа европейской культуры.

Имена почетных выпускников Венского университета. Фото автора 2008 г.

Такая амбивалентность позволяла менять риторику в зависимости от ситуации. Краткость биографии и периферийное место российских университетов в мировом образовательном пространстве описывалось в официальных документах и созданных в начале XX в. метанарративах истории в терминах незрелости и зависимости. Основанные в Казани, Москве, Петербурге, Саратове, Харькове корпорации заявляли о себе как о «начинающих» и «молодых», требуя особого внимания и опеки власти. Противопоставляя себя «мудрым и зрелым» корпорациям Западной Европы, они подчеркивали фактор «новизны» и «необычности» университета для отечественной истории.

Это порождало разные реакции людей власти. В одних случаях такая тактика поведения приносила желаемые патерналистские плоды в виде наград, дополнительного финансирования, удовлетворения ходатайств, вмешательства в корпоративные конфликты. Однако в других ситуациях можно было получить и «родительский подзатыльник»: «Попробуйте, – писал казанский попечитель ректору, – быть на сей раз настоящим университетом, не на помочах» [57] или «пора нашему университету взять приличную осанку» [58].

Другая текстуальная стратегия заключалась в описании сверхнасыщенности жизни российского университета («чтобы полностью очертить этот период, потребовалось бы очень много времени и места» [59]). Частое повторение в университетских текстах и речах этих утверждений вело к ощущению спрессованного времени, перенаполненного научным и социальным опытом, что отразилось в появлении определения Московского университета как «старейшего». Сначала оно сопровождалось уточнением места и условий – «Россия», но вскоре стало использоваться и без него.

«Удлиненная» и «насыщенная» таким образом история была поделена летописцами на периоды. Вехами для их выделения служили либо политические события (война, введение нового университетского устава, проведение министерской проверки [60]), или изменения в составе корпорации («новый период в истории Московского университета, как сказано, начинается вместе с появлением к нам молодых профессоров, получивших своё образование за границей, преимущественно в Германии» [61]).

В основу другого варианта используемой периодизации положен фактор попечительства того или иного сановника, соответственно «гомогенные блоки времени» (по определению Э.Зарубавель) персонифицированы их именами: «при Строгонове», «во времена Мусина-Пушкина». Впрочем, не менее значимой вехой в «длинной» жизни университета мог оказаться и ремонт учебного корпуса или клиники, а особенно – факт обретения нового пространства (переезд или постройка здания).

Иногда разрывы в континуитете университетского развития специально фиксировались и закреплялись коммеморативными мероприятиями и текстами с целью легитимировать изменения в управлении или устройстве университета. Так, Устав 1804 г. провозглашался в торжественных речах Московского университета как рубеж между «старым» и «новым» российским университетом [62]. И новый устав ознаменовывал цезуру в развитии: «Новая Эпоха для Харьковского Университета, – уверял местный профессорский совет, – началась с преобразованием его в Августе 1837 года по новому Уставу Российских Университетов, Высочайше утвержденному в 26 день Июля 1835 года» [63]. Иногда разрыв не просто осознавался, но намеренно создавался в сознании современников как противопоставление того, что было и что стало. Так, занявший место казанского попечителя М.Л.Магницкий в каждом письме к ректору напоминал о разнице между «прежним нестройством» и «новым бытием» в подведомственном ему учреждении [64].

В результате использования разных критериев сегментации в истории российских университетов появились качественно разные отрезки времени: «блестящая эпоха университетской жизни», «время мракобесия». Такие периоды определены специфической социальной деятельностью или «фактами», чьи особенности и различная интенсивность придали «активное качество» категориям деятельности.

После создания и публикации университетских историй жизнь конкретного человека стала соотноситься с датами и длительностью корпоративной жизни («мне пришлось пережить в университете две совершенно разные эпохи» [65]). С одной стороны, мемуарист представлял себя свидетелем или участником «большой» судьбы («немного больше трети всего времени существования Московского университета прошло на моих глазах» [66]), а с другой – университет виделся неким «старейшиной» в общей семейной истории интеллектуалов («в 1835 году праздновали день основания университета, ровно 20 лет тому назад: мне было семнадцать лет» [67]). Линия персональной судьбы синхронизировалась с университетской хронологией («совпали с появлением...»).

Цивилизаторская функция борьбы с варварством и невежеством порождала в университетских людях готовность к мобильности. Похоже, это было унаследовано от западноевропейских прародителей российского университета. Каждый из них гордился и ставил себе в заслугу интеллектуальный экспорт, распространение наук физически. Отсылая из Лейпцига двух учеников в Московский университет, И.К.Готшельд писал в 1757 г.: «Если бы это не было честью для

Саксонии, что она может посылать искусных людей в чужие края, то в другом случае я бы весьма сожалел о потере таких одаренных земляков. Однако я надеюсь, что они не вовсе умрут для нас или будут потеряны, но иногда будут напоминать о своем существовании благодаря своим сочинениям» [68]. Благодаря этому «опылению» среды, университет в целом («Харьков стал, в качестве университетского города, центром умственного движения южнорусской народности» [69]) и отдельные его люди (студенты, адъюнкты, профессора) мыслили себя культурным и ментальным центром («его квартира была местом сборища цвета тогдашней передовой интеллигенции» [70]). Центричность самовосприятия обнаруживает себя даже в студенческих мемуарах: «Григорьев с 1-го же курса совершенно безнамеренно сделался центром мыслящего студенческого кружка» [71]. Университетский городок, аудитория, кабинет образовывали эпицентр событий и служили пространством, где кристаллизовалась персональность первых поколений университетских интеллектуалов. Ее они формулировали в речах и письменных текстах.

И если внутреннее пространство осознавалось как спасительное, что передавалось через метафору «острова» или «корабля», то внешнее (город, губерния, учебный округ и даже империя) обретало значение неблагоприятной и агрессивной среды. Она описывалась как нечто «чуждое» («океан невежества», «море предрассудков», «мир хуторов и слобод»), источник тревог и опасности («Харьковский университет имел на этот мир громадное и еще неоцененное достаточно влияние, хотя и сам недешево за него поплатился» [72]). Судя по текстам «университетских историй», горожане и в целом население учебного округа воспринимались профессорами как объект, который предстояло изучать, просвещать, заставлять, побуждать, соблазнять плодами европейской культуры. Но в любом случае их надо было менять или создавать. Не трудно заметить, что риторика самоописания и презентаций были заимствованы университетскими летописцами не из церковной агиографии (метафора «монастыря» как источника духовного просвещения), а из текстов колониальных мореплавателей, создавших первые символические границы цивилизации и варварства [73].

Так университетские люди осмыслили свое участие сначала в цивилизационном проекте, а впоследствии аргументировали право на участие в политической сфере и даже претензию на социальную инженерию в обществе. Время было в этой борьбе соучастником, а физическое и культурное пространства – сопротивляющимися противниками. В текстах, созданных в университетской среде, жизнь осмысливается как борьба, в которой время дружественно, «работает» на университет, а внешняя среда «постепенно становится лучше» (возделаннее) под благотворным влиянием просвещения и конкретных университетариев. В этих рассказах социальное, культурное и физическое пространства (городские районы, губернии, учебные округа, локальные культуры или социальные слои) предстают как единая и гомогенная целостность, структурированная в категориях центра и периферии. Чем ближе они находились к университетскому кампусу и источнику

цивилизующего влияния, тем сильнее трансформировались, тем значительнее были их изменения.

И вместе мы сошлись сюда
С краев России необъятной
Для просвещенного труда,
Для цели светлой, благодатной [74].

ПРИМЕЧАНИЯ

[44] ОРРК НБ КГУ. Ед. хр. № 4777 «Письма М.Л. Магницкого ...». Письмо № 41 от 5 дек. 1822 г. Л. 25.

[45] *Еллинский Н.И.* Автобиографическая записка... С. 56.

[46] *Нагуевский Д.И.* Петр Цеплин. Первый профессор Казанского университета (1772–1832 гг.). Историко-литературный очерк. Казань, 1904. С. 143.

[47] *Ничпаевский Л.* Воспоминания о Харьковском университете... С. 89.

[48] ОРРК НБ КГУ. Ед. хр. № 4777 «Письма М.Л. Магницкого...». Письмо № 32 от 24 окт. 1822 г. Л. 12.

[49] Письмо М.В. Ломоносова к И.И. Шувалову от июля 1754 г. / изд. В.А. Садовничий // Вестн. истории, литературы и искусства. М., 2005. Т. 1. С. 340.

[50] *Корсаков Д.А.* Былое в жизни Казанского университета, 1856–1860 гг.: из воспоминаний о прошлом // Былое из университетской жизни: лит. сб. к 100-летию Имп. Казан. ун-та. СПб, 1904. С. 170.

[51] *Смоленский С.В.* Из воспоминаний о Казани и о Казанском университете в 60-х и 70-х гг. // Былое из университетской жизни... С. 256.

[52] Цит. по: *Андреев А.Ю.* Основание Московского университета и русско-немецкие университетские связи в середине XVIII в. // Вестн. истории... С. 355.

[53] *Чичерин Б.Н.* Студенческие годы. Москва сороковых годов // Московский университет... С. 382.

[54] *Ничпаевский Л.* Воспоминания... С. 58.

[55] *Загоскин Н.П.* История Императорского Казанского Университета за первые сто лет его существования. 1804–1904. Т. 1. С. 316.

[56] *Gilmore D.D.* The scholar Minstrels of Andalusia: Deep Oratory, or the Carnavalesque upside down // Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. 1955. N 1. P. 561.

[57] ОРРК НБ КГУ. Ед. хр. № 4777 «Письма М.Л. Магницкого...». Письмо № 7 от 5 июня 1822 г. Л. 26 об.

[58] ОРРК НБ КГУ. Ед. хр. № 4777 «Письма М.Л. Магницкого...». Письмо № 52 от 2 июля 1823 г. Л.36 об.

[59] *Чичерин Б.Н.* Студенческие годы... С. 382.

- [60] Например, ревизия Казанского университета 1819 г/ стала основанием для новой хронологии его жизни, что отразилось в отчетах: «Историческая записка Императорского Казанского университета за 4-й академический год от возобновления, с 1-го июля 1823-го по 1-е июля 1824 г/» (Казань, 1825).
- [61] *Буслаев Ф.И.* Мои воспоминания // Московский университет... С. 220.
- [62] РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 189 «Годовой отчет, представленный высшему начальству от Императорского Московского университета за 1805 г/». Л. 2.
- [63] РГИА. Ф.733 Оп. 50. Д. 663 «Дело об осмотре...». 1851. Л. 6 об.
- [64] НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1644 «Дело об оброчных для университета статьях» 1823. Л. 1.
- [65] *Ничпаевский Л.* Воспоминания... С. 58.
- [66] *Каблуков Н.А.* Из воспоминаний о химии в Московском университете с семидесятих годов XIX века // Московский университет... С. 507.
- [67] *Аксаков К.С.* Воспоминания студентства 1832–1835 гг. // Московский университет... С. 197.
- [68] *Lehmann U.* Der Gottschedkreis und Russland. Deutsch-russische Literaturbeziehungen im Zeitalter der Aufklärung. Berlin, 1966. S. 110. (Перевод А.Ю. Андреева).
- [69] *Неслуховский Ф.К.* Из моих воспоминаний // Харківський університет... С. 231–232.
- [70] *Загоскина О.Н.* Воспоминания о Николае Павловиче Загоскине... С. 8.
- [71] *Фет А.А.* Воспоминания // Московский университет... С. 237.
- [72] *Де-Пуле М.Ф.* Харьковский университет и Д.И. Каченовский: культурный очерк и воспоминания из [18]40-х гг. // Харківський університет... С. 275.
- [73] О метафорах «остров», «корабль», «океан», «море» в колониальных текстах см: *Pels P.* The Anthropology of Colonialism: Culture, History, and the Emergence of Western Govern Mentality // Annual Review of Anthropology. 1997. N 26. P. 174.
- [74] *Аксаков К.С.* Воспоминания студентства... С. 198.

© Вишленкова Е.А., 2011

Статья поступила в редакцию 25 октября 2010 г.

Вишленкова Елена Анатольевна,
доктор исторических наук, профессор,
заместитель директора Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В.Полетаева

НИУ–Высшая школа экономики (Москва)
e-mail: evishlenkova@mail.ru

UDC 008.001.14

Vishlenkova E.

**Temporality and Time Perception
in the 19th century Russian University
(Part 2)**

Abstract. The author explores the role that social and cultural categories of time played in shaping academic life in the 19th century Russia, controlling corporative interrelations, and establishing universitarian hierarchies. Temporal features of universitarian consciousness that influenced support and invention of traditions are revealed on the base of analysing texts of personal and administrative provenance.

Key words: Russian university, social time, corporative culture, Russian Empire, temporality, symbolic anthropology

Vishlenkova Elena Anatolyevna

Doctor in History, Professor,
Deputy Director of the Poletaev Institute for Theoretical and Historical
Studies in the Humanities,
National Research University – Higher School of Economics (Moscow)
e-mail: evishlenkova@mail.ru